

О «ЗОПОТЫХ ДЕЛ МАСТЕРЕ» С ЮВЕЛИРНОЙ ТОЧНОСТЬЮ И ИЗЯЩЕСТВОМ

Рецензия на книгу З.Ш. Джикаевой
«Творец осетинской драмы»

– Владикавказ: Ир, 2004. 167 с., тираж 1000 экз.

Вышла в свет книга З. Джикаевой «Творец осетинской драмы», посвященная анализу художественного мира Елбыздыко Бритаева. Значение ее определяется весомостью вклада в осетинскую филологию, в которой вопросы поэтики до сих пор остаются на периферии. Читатель, не избалованный столь утонченным препарированием художественных текстов, по достоинству оценит это издание. Но в обширном ряду научной литературы о наследии метра осетинской драмы книга З. Джикаевой займет особое место и по другой причине. В ней явствен поиск критериев и методов, адекватных современным задачам реконструкции историко-культурного процесса – в плане полноты восприятия, перечтения и переосмысления многого из эстетического наследия прошлого.

Опора на принципы целостно-системного анализа позволяет автору представить художественный мир Е. Бритаева как динамический процесс, скрепленный логикой писательского замысла и эмоционально-нравственной оценкой изображаемого – в единстве его идейной и эстетической сторон.

Отрадно отметить, что впервые в осетинском литературоведении предмет специального исследования становится поэтика *драмы*.

Творчество родоначальника отечественной драматургии и театра рассмотрено З. Джикаевой в историко-культурном контексте, в глубинных связях с национальной и мировой традицией, что сообщает наблюдениям и выводам автора особую значимость и аргументированность.

Для концептуального осмысления проблемы в означенном ракурсе и объеме необходим сложный литературоведческий инструментарий. З. Джикаева в полной мере владеет им и продуктивно использует в ходе анализа идейно-образного своеобразия драматургии Е. Бритаева.

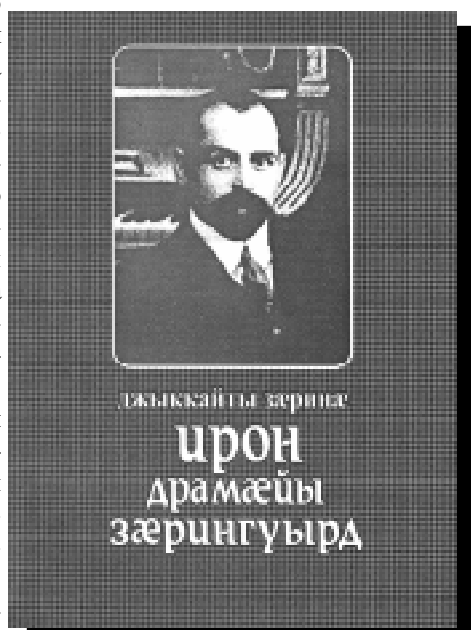
Исследование опирается на солидную методологическую и теоретическую базу, включающую достижения русской и зарубежной эстетической мысли (от теории драмы Гегеля, Лессинга, Белинского до фундаментальных трудов современных авторов).

Теоретическая значимость данной книги – в решении ряда проблем: жанрово-стилевой специфики драматургического творчества Е. Бритаева, взаимодействия традиции и новаторства в нем; эстетики и поэтики осетинской драмы в целом.

Несомненным достоинством работы является ее принадлежность к числу немногих в национальном литературоведении, исследующих проблему художественности произведений на языке оригинала. И это приносит свои плоды: наряду с решением основных задач З. Джикаевой удастся внести весомый вклад в развитие категориального и терминологического аппарата осетинской науки о литературе, в процесс формирования стиля научных изысканий.

Задача раскрытия художественного мира Е. Бритаева осуществляется автором с выделением наиболее важных компонентов проблемы: идейно-эстетического строя произведения, системы образов, сюжета и драматической ситуации, композиции в целом и отдельных ее составляющих, этикетной маркированности текста в ее функциональной значимости, языковой образности и пр., что придает исследовательской мысли определенную целенаправленность и системность и определяет структуру книги. Она состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во вводной части в общих чертах дается характеристика многогранной личности Е. Бритаева – как мыслителя и гуманиста, основоположника осетинской драматургии и, одновременно, теоретика искусства, автора своеобразного эстетического манифеста («Мир праху обезьяны, да здравствует осетинский театр!»). Говоря о драматизме судьбы писателя, З. Джикаева ставит

вопрос о необходимости обновления, а возможно – и пересмотра идейно-эстетических акцентов изучения творчества Е. Бритаева в целях преодоления односторонности и предвзятости оценок осетинской критики 30–50-х гг., в результате которых «отдельные творения автора подвергались остракизму и запрету».

В главе 1 («Мир идей и образов драматургии Е. Бритаева») в качестве детерминанта структуры пьес драматурга выделяются характер и способы воплощения авторских идей в художественные образы, при этом акцентируется внимание на таком важном аспекте, как «обобщающая мысль писателя, проявляющаяся в идейно-эмоциональной оценке изображаемой жизни».

Внутреннее единство драматических произведений Е. Бритаева (при всем их идейно-жанровом многообразии) З. Джикаева справедливо видит в концептуальном осмыслении автором судеб народа в переломные моменты исторического развития. В центре внимания этой части работы – вопросы «соответствия явлений жизни и их эстетического воплощения». В процессе их исследования молодой ученый убедительно демонстрирует глубину художнического проникновения Е. Бритаева в социальные и морально-психологические корни характерных для горской действительности рубежа XIX–XX веков явлений, таких как «*ужржседзу*» (понятие, воплотившее в себе процесс отрыва части молодежи от истоков духовности народа), абречество и его последствия («Лучше смерть, чем позор»), эмансипация горянки в ситуации власти пережитков старины («Две сестры») и многое др.

В качестве центральной идеи, которой поверяются характеры и типы Е. Бритаева, определена проблема свободы в ее многозначном преломлении: нравственный «манкурт» Мусса, по верному наблюдению З. Джикаевой, воспринимает ее как отречение от морали, долга и человеческих обязанностей, для разбойника Керима свобода – это вседозволенность, произвол; в трагедии «Хазби» она связана с вопросами национальной независимости и достоинства народа, патриотизма и гуманизма, «проведенными» в образах Хазби, Нана, Ислама; в «Двух сестрах» – с отрицанием рабской покорности, невежества и насилия, утверждением нового идеала личности – носителя современной культуры, духовно и социально активного (образы Хансиат, Килцико и др.)

Развивая тезис о внутреннем единстве художественного мира Е. Бритаева, автор исследования, в качестве важной составляющей этого единства, называет систему ценностных координат драматурга, в которой выделяет два взаимообусловленных момента: мысль о духовной обреченности человека, не укорененного в национальном, и принцип проверки создаваемого образа национального мира всеобщностью фундаментальных ценностей.

Плодотворен подход З. Джикаевой к ценностно-смысловому полю произведений Е. Бритаева с новых идейно-эстетических позиций: в процессе анализа тра-

гедии «Амран», например, доказательно аргументируется восприятие природы конфликта пьесы в философском плане (как «противостояние силы власти и стремления к свободе»), исключая жесткую «привязанность» к революционной проблематике. Интерпретация трагедии как «многолетнего итога философско-художественных раздумий автора о проблеме свободы и человеческого счастья» расширяет и границы образов персонажей, которые, как справедливо считает З. Джикаева, «по своему характеру являются символическими, им свойственна сгущенность обобщения». Интересна трактовка логики образа Беса в русле пути трагического героя, – в соответствии с законами жанра – ведущего его к неизбежной катастрофе. Пафос «перечтения», присущий исследованию в целом, расходясь с утвердившимися в нашем сознании сугубо идеологическими оценками, «отменяет» давние споры осетинской критики о финале пьесы, демонстрирующем якобы идейную незрелость автора в осмыслении судеб Октябрьской революции.

Вопросы эстетизации кодекса национальной этики раскрывает II глава исследования («Обычаи и их художественные функции в драмах Е. Бритаева»). Специальная постановка проблемы этнонационального в осетинской науке о литературе в означенном ракурсе предпринимается впервые. И это несомненная заслуга молодого ученого.

Детально анализируя проблему на уровне народных обрядов и верований, этикетного поведения персонажей, речевых формул и т.п., З. Джикаева приходит к обоснованному выводу о том, что народные обычаи и традиции в пьесах Е. Бритаева не колоритный фон, они «органично входят в ткань произведения» в качестве формулы философии бытия, системы нравственных идеалов общества.

В процессе идейно-эстетического анализа обращается внимание на многофункциональность понятия «*жъгдау*» в художественной структуре произведений, исследователь трактует его как явление поэтики, как категорию художественного сознания автора.

Принципы комплексного, эстетически ориентированного подхода к осмыслению выдвинутой в книге проблемы определяют такое важное в методологическом плане качество анализа, как интерес к художественной детали, новизну ее интерпретации. Данный аспект «насыщает» исследование множеством метких и глубоких наблюдений. Анализируя эстетические функции картины нихаса в трагедии «Амран», например, З. Джикаева трактует его как особым образом структурированный «микромир горцев», где «каждый штрих, каждая деталь или реплика имеет значение, органически вливается в поток действия и стимулирует его движение».

Примечательны также выводы по поводу функций обряда *иронвждаг*, сообщающего трагическому финалу пьесы «Хазби» особую силу и символическое зву-

чание (Нана с надочажной цепью на шее как олицетворение Матери-Родины); по поводу состава «трагической вины героя» в пьесе «Амран» (нарушение серии запретов) и мн. др.

Обоснован и завершающий вывод главы о «дозировании» этикетных деталей и эпизодов в зависимости от отводимой им в проблематике произведения роли.

Глава III книги «Творец осетинской драмы» посвящена исследованию важнейших компонентов поэтики: системы образов персонажей, сюжета и ситуации, композиции и ее фрагментов, в том числе композиционно значимых языковых средств (монолог, диалог, реплика). З. Джикаева раскрывает структурные принципы организации того или иного произведения, анализирует мастерство сюжетосложения Е. Бритаева, выделяя такие характерные особенности, как стремительное развитие действия, складывающееся из цепи «интересных ситуаций», драматизм борьбы противостоящих сил и характеров, логическая развязка.

При анализе трагедии «Амран» в центре внимания автора книги – соотношение в сюжете мифа и действительности и обусловленные этим акцентные смещения в системе образов («фабулу произведения составляет судьба простого человека»).

Интересным в плане новизны постановки вопроса является исследование художественных функций ремарки в драмах Е. Бритаева. Прослеживается связь с традицией русской классики, творческое ее усвоение отмечается, в частности, в знании меры, ее соответствия внутреннему единству произведения.

В главе IV рассмотрена система речевых изобразительных средств в их идейно и композиционно целенаправленном синтезе. Задача выявления художественно-стилевого своеобразия драматургии Е. Бритаева решается посредством анализа идейно-эстетических контуров произведений и их образной структуры. Автор книги приходит к выводу о многофункциональности языковой палитры художника, которая не только служит речевой индивидуализации образов персонажей, «отражению их внутренней сути и мировоззрения», но и всякий раз четко «соответствует обстановке, характеру и положению» того или иного лица. Особое внимание З. Джикаева уделяет афористическим жанрам фольклора, обоснованно представленным ею «как органическая часть живого языка драматургии Е. Бритаева». Утверждение о том, что употребляемые в речи персонажей фольклорные формулы в каждом конкретном случае выполняют определенные идейно-художественные функции и, в целом, углубляют драматическую интригу, развитие действия, подкреплено осмыслением тончайших нюансов движения характера и образа мыслей персонажей.

Перспективным в методическом плане представляется анализ речевой структуры произведения по принципу выделения доминирующего признака, с помощью которого можно раскрыть специфику организации и

взаимодействия изобразительных средств текста. В драме «Лучше смерть, чем позор» таковым, по мысли исследователя, является антитеза, носящая нравственный оттенок; в трагедии «Амран» – взаимодействие семантических текстовых полей («возвышенного красноречия» Ныфс и Беса и своеобразного поля «косноязычия», за которым стоит Властелин Мира со своей «свитой»).

Заслуживает одобрения тот факт, что исследователь, обоснованно признавая творения Е. Бритаева «национальным достоянием», не пренебрегает критическим подходом к достижениям корифея осетинской драматургии.

З.Ш. Джикаева проделала большую работу по изучению художественного мира и шире – этико-эстетических, мировоззренческих представлений драматурга. Думается, это небольшая по объему, но емкая по содержанию книга займет достойное место в ряду современных исследований и явится большим подспорьем при написании истории осетинской литературы, изучении поэтики национальной драмы, найдет широкое применение в качестве учебного пособия для преподавателей родной литературы, для студентов филологических факультетов, изучающих методику анализа драматургических произведений.

В связи с этим хочется обратить внимание автора на следующие моменты:

1. Осуществляемый в работе комплексно-аналитический подход к изучению художественного мира Е. Бритаева, с одной стороны, дает возможность обращаться в каждой главе ко всему массиву драматургического творчества автора, при этом главы как бы дополняют друг друга, но отсюда же – неизбежные повторы как в структурном плане («дублирование» некоторых положений, возврат к одним и тем же эпизодам, анализу речевых единиц и пр.); так и на уровне цитирования.

2. Поскольку понятие поэтики литературного произведения охватывает, помимо сюжета, композиции, системы образов, также и словесный строй, то принцип оглавления книги представляется спорным. Нечетко сформулировано само название главы IV «Язык – отражение характера и мировоззрения» – чьего характера и мировоззрения – автора? героя?

В целом книга «Творец осетинской драмы» З. Джикаевой «греет душу» высокой филологической культурой, глубиной постановки и научного осмысления выдвинутых в ней проблем. И, конечно же, – демонстрацией богатейшего спектра «благородной речи предков» (С. Гадиев), легко посрамляющей бытующее среди части осетиноведов мнение относительно скудости резервов родного языка и, следовательно, – невозможности адаптации его к нуждам научных изысканий.

*К.ф.н., ст.н.с. СОИГСИ им.В.И. Абаева
И.В. Мамиева.*